

Прогноз и хеджирование рисков в принятии решений следователем и судьей

Ю. А. Цветков

Московская академия Следственного комитета Российской Федерации,
Российская Федерация, 125080, Москва, ул. Врубеля, 12

Для цитирования: Цветков, Юрий А. 2023. «Прогноз и хеджирование рисков в принятии решений следователем и судьей». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право* 3: 649–667. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2023.306>

В статье исследуется проблема определения роли и значения прогнозирования в профессиональной деятельности следователя и судьи. Обозначаются фундаментальные вопросы, связанные с границами и возможностями предвидения будущих событий и оценки потенциальных рисков. Методологически работа опирается на теорию вероятностей, теорию сигналов, проект-менеджмент и риск-менеджмент. Эмпирической базой исследования являются уголовные дела, возбужденные в отношении судей в связи с вынесением заведомо неправосудных судебных актов, повлекших тяжкие последствия, а также в отношении следователей и других должностных лиц правоохранительных органов в связи с халатностью. Используются данные судебной и уголовной статистики. Автор анализирует эмпирический материал и решает проблему прогнозирования, применяя два подхода к классификации рисков в судебной и следственной деятельности. Первый подход, часто встречаемый в научных источниках, основан на определении возможностей прогнозирования и идентификации рисков исходя из объема имеющейся информации. Второй подход обусловлен предлагаемой автором классификацией, в рамках которой следственные и судебные риски подразделяются по характеру и содержанию последствий их реализации на правовые (формальные и материальные) и социальные. Предложена разработанная автором качественно-количественная методика оценки судебно-следственных рисков. В научный юридический оборот вводится понятие хеджирования как системы способов предотвращения или минимизации негативных последствий наступления рисков. Делается вывод о том, что судьи и следователи должны овладеть научными методами прогнозирования и управления рисками; также необходимо установить четкие критерии наступления ответственности за тяжкие последствия в результате грубых судебных ошибок в прогнозировании.

Ключевые слова: судья, следователь, правосудие, процессуальное решение, судебная ошибка, неправосудный судебный акт, прогнозирование, управление рисками.

1. Введение

Решения, принимаемые судьями и в отдельных случаях следователями, формируют будущее для тех, кому они адресованы. Одна из ключевых компетенций судьи, наличие которой следовало бы устанавливать при сдаче им квалификационного экзамена, — способность к прогнозированию. В таких сферах, как страхо-

вание или инвестирование, прогноз является профессиональным. Страхователь, инвестор, трейдер должны владеть научными технологиями предсказания рисков и управления ими, иначе их ожидает разорение. Еще более значимую роль прогнозирование играет в управлении государством. Политики опираются на данные разведки, генеральных штабов, дипломатического корпуса и штата советников. Судьи и следователи такими ресурсами не обладают, образовательные стандарты их подготовки по юридической специальности не содержат основ риск-менеджмента и других специальных дисциплин в области прогнозирования. Проблема отсутствия научного обеспечения судебной деятельности по вопросам прогнозирования и управления рисками носит объективный характер. Постановке и частичному ее решению посвящена настоящая статья. Актуальность темы исследования обусловлена тем, что правосудие осуществляется постоянно, а значит, судьи неоднократно сталкиваются с проблемой прогнозирования, хотя универсальных научных разработок для ее решения в их практике недостаточно.

Слово «риск» пришло в русский язык в XVIII в. из французского языка, в котором оно образовано от итальянского *risico* — опасность или *risicare* — дерзать (Черных 2002, 161). Британский антрополог М. Дуглас выдвинула и обосновала идею, согласно которой о любом обществе можно судить по тому, как в нем определяются угрозы и какую систему защиты от них общество вырабатывает. Изучая находящиеся на первобытных стадиях африканские племена, она обнаружила, что универсальным источником неприятностей эти народы считают колдовство, а чтобы определить и нейтрализовать его действие, они обращаются к помощи прорицателя (оракула). Антрополог полагала, что структуры современного общества, осуществляющие научное прогнозирование, фактически выполняют те же самые магические функции древних оракулов (Douglas 1966).

Современная цивилизация значительно продвинулась в понимании и предупреждении рисков. Так, в 1980 г. основано Общество анализа рисков — международный междисциплинарный форум для всех, кто интересуется риском. Своей основной уставной целью это общество провозгласило создание более безопасного мира и улучшение условий жизни с помощью науки и практики анализа рисков¹.

В Российской Федерации Приказом Росстандарта от 10.12.2019 № 1379-ст² утверждён национальный стандарт ГОСТ Р ИСО 31000-2019 «Менеджмент риска. Принципы и руководство». Риском в нем названо следствие влияния неопределённости на достижение поставленных целей.

Вопросам прогнозирования и рисков в юриспруденции с точки зрения общей теории права посвятил свои научные исследования Ю. А. Тихомиров. Однако эти категории учёный трактует весьма широко. Под прогнозированием он понимает определение общих тенденций развития законодательства и правоприменения, а под рисками — негативные последствия в результате реализации правовых актов (Тихомиров 2014; Тихомиров 2015). В эту же парадигму вписываются представления российских учёных о судебных рисках как вероятности перехода правовой ситуации в судебный спор и проигрыша дела в суде (Сидорова 2020).

¹ The Society for Risk Analysis (SRA). Б. д. Дата обращения 25 июня, 2023. <https://www.sra.org>.

² Здесь и далее, если не указано иное, все ссылки на российские нормативно-правовые акты, судебную практику приводятся по СПС «КонсультантПлюс». Дата обращения 25 июня, 2023. <https://www.consultant.ru>.

Более детальную разработку категория рисков получила в криминалистике в преломлении проблемы выбора тактики производства тех или иных следственных действий (Савельева 2021).

В научной периодике появляются работы, авторы которых обосновывают необходимость внедрения риск-менеджмента в уголовно-процессуальную деятельность следователя (Загрядская 2014), прокурора (Чурикова 2022) и судьи (Бабаев 2021). Хотя эти публикации выполнены на абстрактном уровне, не содержат ни эмпирического материала для анализа конкретных процессуальных рисков, ни авторских методик их минимизации, ценность таких работ состоит в попытке привлечь внимание научного сообщества к этой сложной проблеме. Чтобы заполнить образовавшийся вакуум, ниже мы проанализируем ряд наиболее ярких и в то же время типичных судебных и следственных ситуаций и предложим собственную технологию управления рисками в уголовном и гражданском судопроизводстве.

2. Основное исследование

2.1. Прогнозирование в принятии следственных и судебных решений

Профессиональные задачи следователя и судьи сближают их с историками и учеными: и те и другие исследуют прошедшие или происходящие в настоящее время события. Однако решения, принимаемые следователем и в большей степени судьей, направлены в будущее. Судья прогнозирует поведение человека, в отношении которого принимает следующие решения: об избрании мер пресечения; о виде и размере наказания; о применении принудительных мер медицинского характера; по вопросам, связанным с исполнением приговора; при освобождении от уголовной ответственности или наказания. Судья во многом опирается на предварительные выводы следователя, которые тот делает в адресованных суду ходатайствах о применении мер пресечения и иных мер процессуального принуждения, связанных с обеспечением исполнения приговора, а также об освобождении от уголовной ответственности в связи с назначением судебного штрафа либо принудительных мер воспитательного воздействия несовершеннолетнему. В отдельных случаях, избирая меру пресечения самостоятельно, следователь осуществляет прогностическую функцию в полном объеме, в других ситуациях, когда требуется судебное решение, разделяет ответственность с судьей. Мера ответственности каждого из них в принятии таких решений определяется в зависимости от обстоятельств дела и того объема информации, которым располагает каждый из них на том или ином этапе принятия процессуального решения.

В целях настоящего исследования предлагаем разделить риски в судебной и следственной деятельности на правовые и социальные. *Правовые* риски могут быть формальными и материальными. При *формальных* рисках все негативные последствия носят сугубо юридический характер (отмена постановления, возвращение уголовного дела для дополнительного следствия, нарушение процессуальных сроков и т. д.). *Материальные* риски, будучи предусмотрены законом, воплощаются в материальной действительности (обвиняемый скрылся от следствия, утрачены вещественные доказательства, выведено за рубеж имущество, необходимое для возмещения ущерба, и т. д.). *Социальные* риски непосредственно не определены

в тексте закона и отражают негативное влияние действий (бездействия) и решений процессуальных акторов на различные подсистемы общества. Они связаны с этими последствиями сложной цепочкой каузальных связей, в которую могут быть встроены и другие факторы. Так, заключение под стражу владельца предприятия может повлечь ухудшение эффективности его работы и, как результат, невыплату заработной платы и массовое увольнение работников в связи с сокращением их численности.

В гражданском судопроизводстве судья осуществляет прогноз, применяя обеспечительные меры, принимая решения, которыми от лица публичной власти осуществляет вмешательство в частную жизнь, например, в семейные отношения. Особая прозорливость требуется от судьи, решающего судьбы детей.

Так, органы предварительного следствия обвиняли судью Кировского районного суда г. Новосибирска Г-ву в вынесении судьей заведомо неправосудного решения, повлекшего тяжкие последствия³.

В апреле 2010 г. Кировский районный суд г. Новосибирска лишил Глотова родительских прав в отношении его малолетней дочери Евы. Причиной стало употребление им наркотических средств и отсутствие надлежащего воспитания и содержания ребенка. Мать ее умерла вскоре после родов. Девочку поместили в Дом ребенка. В декабре того же года Глотов обратился в Кировский районный суд с иском к этому учреждению о восстановлении его в родительских правах. Его рассмотрение было поручено судье этого суда Г-вой. Судья приняла иск к своему производству, провела досудебную подготовку и рассмотрела его в ходе двух судебных заседаний. Ответчик в лице представителя дома ребенка иск признал. Представитель органа опеки и попечительства (третье лицо) против восстановления Глотова в родительских правах не возражал, однако письменного заключения, как того требовал закон, не представил. Прокурор в судебном заседании участия не принимал, и данные о его надлежащем уведомлении отсутствовали. Судья выслушала показания истца и представителя ответчика, который пояснил, что Глотов регулярно навещал свою дочь и дарил ей подарки. Она заслушала показания свидетеля — сожительницы Глотова, а также характеристику с его места работы (положительную) и жительства, справку о доходах и справку из наркологического диспансера о том, что он состоит на учете с диагнозом «зависимость от опиоидов 2-й стадии» и воздерживается от употребления наркотических средств в течение восьми месяцев. На основании исследованных доказательств и признания иска ответчиком она 05.03.2011 приняла решение о восстановлении Глотова в родительских правах. В нем судья указала ложные сведения об оглашении в судебном заседании положительного заключения прокурора. На следующий день на основании этого решения Глотов забрал свою дочь из дома ребенка, а спустя полтора месяца 28.04.2011 убил ее. Как пояснил сам Глотов, он приготовил на завтрак дочери кашу, она стала баловаться, набрала в рот кашу и не ела ее. Он ударил дочь по голове и от этого удара она погибла. Однако в ходе экспертизы у нее были установлены и иные телесные повреждения разной давности, в том числе разрывы внутренних органов. За убийство дочери и причинение ей тяжкого вреда здоровью Глотов 04.04.2012 осужден Новосибирским областным судом по п. «в» ч. 2 ст. 105 и п. «б»

³ Уголовное дело № 2-26/2013. Архив Новосибирского областного суда. Дата обращения 25 июня, 2023. <http://oblsud.nsk.sudrf.ru>.

ч. 2 ст. 111 Уголовного кодекса РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (УК РФ) к 19 годам лишения свободы.

Следствие полагало, что Г-ва при рассмотрении гражданского дела по иску Глотова о восстановлении его в родительских правах умышленно нарушила требования материального и процессуального права и приняла заведомо неправосудное решение. Наступления тяжких последствий в виде смерти малолетней Глотовой от насильственных действий ее отца-наркомана судья не предвидела, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности (т.е. в случае соблюдения ею норм материального и процессуального права) должна была и могла предвидеть эти последствия. Целью таких действий, по мнению следствия, стало недопущение ухудшения показателей своей работы, а мотивом — сокращение времени рассмотрения дела. Принятое ею решение 07.06.2011 отменено кассационной инстанцией в соответствии со ст. 362 Гражданского процессуального кодекса РФ от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ГПК РФ) как постановленное с нарушением норм материального и процессуального права.

Суд установил, что судья Г-ва при рассмотрении дела и принятии решения по иску Глотова действительно допустила ряд существенных нарушений норм материального и процессуального права:

— рассмотрела дело в отсутствие прокурора, который не был надлежащим образом извещен о времени и месте судебного разбирательства (ст. 45 ГПК РФ и ст. 72 Семейного кодекса РФ от 29.12.1995 № 223-ФЗ (СК РФ));

— не привлекла для участия в деле орган опеки и попечительства и соответственно не получила письменного заключения этого органа, основанного на обследовании условий жизни Глотова (ст. 72 и 78 СК РФ);

— досудебную подготовку провела ненадлежащим образом: к материалам дела не приобщалась и в судебном заседании не исследовалась копия решения суда о лишении Глотова родительских прав, т.е. не уточнены фактические обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела (ст. 148 ГПК РФ);

— приняла решение о восстановлении Глотова в родительских правах при снятом диагнозе «опийная наркомания», с которым он состоял на учете в наркологическом диспансере, в то время как наличие у родителя заболевания в виде хронической наркомании в силу ст. 69 СК РФ является основанием для лишения родительских прав.

Какое же решение принял суд в отношении самой судьи Г-вой?

Новосибирский областной суд приговором от 08.04.2013 оправдал судью Кировского районного суда г. Новосибирска Г-ву за отсутствием в ее деянии состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 305 УК РФ. Суд сослался на приговор в отношении Глотова, из которого не следует, что в момент убийства дочери Глотов находился в состоянии наркотического опьянения. Следовательно, судья Г-ва не может нести ответственность за наступившие последствия в виде насильственной смерти малолетней Глотовой, поскольку принятое ею решение не состоит в причинно-следственной связи с событиями, когда Глотова была лишена жизни. Таким образом, по логике судьи, отпадает квалификация по ч. 2 ст. 305 УК РФ. Остается часть первая данной статьи. Здесь судья в своей аргументации еще более сдержан: он лишь указывает, что все эти нарушения норм материального и процессуального права, хотя они действительно были допущены судьей Г-вой в ходе рассмотрения

гражданского дела, состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 305 УК РФ, не содержат. Почему суд пришел к такому мнению, в тексте приговора не указано.

Приговор как минимум оставляет чувство недосказанности и необидительности. Мы обязаны признавать его юридическую силу, но в научном плане должны разобраться, могла ли судья в такой ситуации предвидеть трагические последствия своего решения.

2.2. Категории рисков в судебной и следственной деятельности

В фундаментальной монографии по теории и практике прогнозирования Н. Сильвер, обладающий опытом точного прогноза результатов выборов и спортивных соревнований, приводит классификацию будущих событий. Существует *известное известное* — то, о чем мы знаем, что мы это знаем. Смертность среди лиц, инфицированных COVID-19, составляет примерно 0,8 %⁴. Поэтому, исходя из этого знания, мы сами определяем, стоит ли подвергать себя риску заражения, ведя привычный образ жизни, либо придерживаться режима строгой самоизоляции и нести материальные и иные связанные с качеством жизни издержки. *Известное неизвестное* — это то, о чем мы знаем, что мы этого не знаем (когда умрем или что произойдет во время путешествия в незнакомую страну и т.д.). *Неизвестное неизвестное* — мы не знаем, что мы об этом не знаем (Сильвер 2015, 481).

Последнюю категорию факторов, при условии что они влекут за собой кардинальное изменение жизненного уклада, Н. Талеб назвал *черными лебедями* (никто в Старом Свете до открытия Австралии не знал, что лебеди могут быть черными, и поэтому даже не рассматривал возможности встретить черного лебедя) (Талеб 2015, 13–17). Примеры таких событий: распад СССР в 1991 г., ипотечный кризис в США 2008 г., пандемия коронавирусной инфекции 2020 г.

Добавим к этой классификации от себя четвертый род событий: *неизвестное известное* — мы не знаем, что мы это знаем (сигналы надвигающейся опасности налицо, но их просто не замечают либо игнорируют), как это было с нападением немцев на СССР и нападением японцев на США в 1941 г., которых руководители советского и американского государства не смогли спрогнозировать при наличии большого количества сигналов (Нарышкин 2020; Млодинов 2011, 290–291).

Итак, с какой категорией рисков столкнулась судья Г-ва, восстанавливая в родительских правах наркомана, который вскоре после этого убил свою дочь?

Все вышеуказанные процессуальные институты, которые судья в нарушение закона проигнорировала (участие в деле прокурора, органов опеки и попечительства, тщательная досудебная подготовка дела и т.д.) являются инструментами управления рисками. Обобщающим понятием для них является «хеджирование» (от англ. hedge — изгородь, ограда, страховка) — система методов, направленная на препятствование реализации риска, либо, в случае реализации риска, — на сокращение или предотвращение ущерба от него (Круи, Галай, Марк 2014, 45–74). В данной ситуации они либо предостерегли бы судью от судебной ошибки, либо риск этой ошибки распределился бы между тремя лицами: судьей, прокурором и орга-

⁴ Рассчитано на основании данных ВОЗ как соотношение подтвержденных случаев к смертельным исходам («Ситуация с COVID-19 в Европейском регионе ВОЗ». ВОЗ. Дата обращения 25 июня, 2023. <https://who.maps.arcgis.com/apps/opsdashboard/index.html/a19d5d1f86ee4d99b013eed5f637232d>).

ном опеки и попечительства. Какова степень вины судьи, если и прокурор, и орган опеки и попечительства дали бы положительные заключения? Конечно, итоговая ответственность всегда на том, кто принял решение, т. е. на судье. Но при определении меры этой ответственности стало бы очевидным, что если ни прокурор, ни представитель органа опеки и попечительства не нашли ничего, что препятствовало бы возвращению ребенка родителям, то, значит, и у судьи не было реальной возможности предвидеть трагическую развязку. В данном же деле судья возложила все риски на себя.

Может ли факт воздержания Глотова от употребления наркотиков в течение восьми месяцев служить основанием для прогноза, что он и дальше будет вести здоровый образ жизни? С точки зрения обывательского мышления, наверное, может. Однако если подойти к этому научно, то судья должен был выяснить, какой срок воздержания говорит о наличии стойкой ремиссии. В научной литературе ремиссия при наркоманиях рассматривается как воздержание от употребления наркотиков в течение одного года, но даже это не дает оснований для благоприятного прогноза (Пятницкая 2008, 574). Поскольку индивидуальные особенности наркомана оказывают сильное влияние на результат лечения, требовалось вызвать в суд и допросить в качестве специалиста лечащего врача Глотова. Кстати, врач был допрошен, но уже в ходе следствия по уголовному делу в отношении самой судьи, и он показал, что снятие с учета возможно только после пятилетнего полного воздержания, в то время как по общемировой практике такая стойкая ремиссия наблюдается только у 35%. Крайне важно и то, что сам Готов в своих показаниях на следствии признал, что после того, как дочь вернулась к нему домой, он неоднократно — за четыре дня до убийства — употреблял наркотики, и девочка в это время находилась вместе с ним. Это обстоятельство суд, оправдавший Г-ву, обошел стороной, формально сославшись на отсутствие достоверных данных, указывающих на то, что в момент убийства Готов находился в состоянии наркотического опьянения. Здесь суд явно упростил проблему, у которой есть ряд аспектов. Во-первых, наркомания изменяет личность больного в сторону ее психопатизации, и это изменение сохраняется независимо от факта нахождения в состоянии наркотического опьянения (Пятницкая 2008, 105–152). Во-вторых, факт недавнего (за четыре дня) употребления наркотиков говорит как за то, что фактически ремиссии не наступило, так и за то, что отсутствие очередной дозы (абстиненция) повышает нервозность и агрессивность наркомана. Поэтому приведенный в приговоре довод об отсутствии связи между решением судьи и убийством ребенка представляется по меньшей мере наивным.

Пыталась ли все-таки судья Г-ва спрогнозировать риски того или иного решения? В обвинительном заключении приводятся показания Глотова, из которых можно реконструировать ход рассуждений судьи. Он сообщил, что после допроса его сожительницы, которая на вопрос суда о возможности передачи Глову ребенка ответила положительно, судья начала размышлять вслух. Она сказала, что посмотрела передачу Малахова, темой которой стала история двоих сгоревших в доме детей. Матери в это время дома не оказалось, а бабушка спаслась. Судья отметила, что считает неправильным возбуждение уголовного дела в отношении матери. Мать сама вспомнила, что оставила спящего ребенка дома и, пока муж был на

работе, быстро сходила в магазин. Эти размышления судьи навели истца на мысль, что она хочет принять решение в его пользу.

В этих сумбурных показаниях (очевидно, что Готов сам не понимает их сути) — ключ к пониманию субъективной стороны деяния судьи Г-вой. Судебное заседание, на котором судья высказала свои мысли, состоялось 18.02.2011, а накануне, 17.02.2011, в эфире Первого канала транслировалась передача «Пусть говорят», посвященная трагедии в пос. Юганец Нижегородской области⁵. Там в жилом доме заживо сгорели четверо малолетних детей вместе с их парализованной прабабушкой. В это время мать со своим сожителем ушла в магазин, как они уверяют, за кефиром, однако продавцы утверждают, что за водкой. За год до этого органы опеки и попечительства изъяли у нее детей и поместили в детский дом. Причиной стало неблагополучие семьи, плохие условия жизни и отсутствие у матери постоянного дохода. Участники передачи сообщили, что мать и ее сожитель злоупотребляли спиртным, а последний даже употреблял наркотики. Мать 26 лет, в прошлом сама сирота, исправно навещала детей, поэтому общественность и СМИ встали на ее сторону. Через три месяца суд принял решение о возвращении ей детей. Одна из участниц передачи — депутат Государственной Думы — заявила в эфире, что после такой трагедии ни один судья не возьмет на себя ответственность вернуть детей лишенным родительских прав родителям.

Буквально на следующий день после эфира, в котором рассказано, как решение судьи вернуть детей в неблагополучную семью, где один из ее членов предположительно наркоман, стало отправной точкой в цепи событий, приведших к гибели четверых малолетних детей, судья Г-ва делает противоположный вывод: вернуть ребенка отцу-наркоману будет правильно. Она делает это в опровержение тезиса депутата о том, что теперь судьи будут опасаться принимать такие решения. Действует судья практически вслепую, без заключения прокурора и органов опеки и попечительства, без учета мнения лечащего врача.

С одной стороны, следовало бы приветствовать судью, которая, принимая решение, не испугалась давления общества и не стала экстраполировать единственный случай на все иные ситуации. Именно такая ситуация произошла во Франции в 2004–2005 гг. по делу Утрó, которое считается самой крупной катастрофой в истории французского правосудия. По этому делу были арестованы родители-педофилы, которые оговорили 14 чел. Следственный судья Фабрис Бюрго под давлением общественного мнения и СМИ заключил всех оговоренных под стражу. В итоге они были оправданы, однако один человек покончил с собой, у других распались семьи, они потеряли работу, пострадали морально (Головко, Матье 2018, 212–214).

С другой стороны, возвращаясь к делу Евы Готовой, трагедия в пос. Юганец не заставила судью изучить обстоятельства находящегося в ее производстве дела более пристально, обратить внимание на те детали, которые, возможно, упустили нижегородские судьи. В ее поступке усматривается мотивация, направленная на то, чтобы поступить вопреки ожиданиям общества, во что бы то ни стало сделать по-своему, продемонстрировать себе и окружающим свою независимость от контекста, а это и есть не что иное, как преступная самонадеянность.

⁵ «Горячая точка. Пусть говорят. Выпуск от 17.02.2011». *Первый канал*. 2011. Дата обращения. 25 июня, 2023. <https://www.1tv.ru/shows/pust-govoryat/vypuski-i-dramaticheskiye-momenty/goryachaya-tochka-pust-govoryat-vypusk-ot-17-02-2011>.

Вероятности не суммируются сами по себе. Значит, вероятность совершения преступления восстановленным в правах конкретным родителем в отношении ребенка не растет в зависимости от того, сколько аналогичных дел было рассмотрено судьей таким же образом. Однако риски накапливаются. Следовательно, вероятность того, что решение именно этого конкретного судьи повлечет трагические последствия, увеличивается с каждым повторением подобных ошибок. Иными словами, «черный лебедь» становится для него уже не «черным», а «серым», т. е. чем чаще судья рискует, тем выше риск возникновения неблагоприятных последствий именно у него. Хотя вероятность их наступления по данному конкретному делу не зависит от количества рассмотренных ранее дел. Таковы объективные законы вероятности.

В 2021 г. суды при рассмотрении по первой инстанции гражданских дел о восстановлении в родительских правах удовлетворили 1436 и отказали в удовлетворении 592 исков⁶. По каждому ли из 1436 дел судьи безукоризненно выполнили все требования закона? Вряд ли. Тем не менее такие чудовищные случаи, как гибель на пожаре четверых детей в Нижегородской области или убийство Евы Гловой в Новосибирской области, когда дети возвращались их родителям на основании судебных решений, сразу же привлекают к себе внимание СМИ, и мы бы знали о каждом таком случае. А поскольку нам известно только два таких события, значит, они носят единичный характер. То, что одно из таких событий произошло именно с судьей Кировского районного суда Г-вой, — случайность («черный лебедь») лишь отчасти и больше вписывается в четвертую категорию фактов: *неизвестное известное*.

Число несовершеннолетних, пострадавших от преступных посягательств со стороны близких и членов семьи, составило в 2022 г. — 2164, а в 2021 г. — 2137. Всего в результате преступных посягательств в 2022 г. погиб 1261 ребенок, а в 2021 г. — 1242 ребенка⁷. Статистические данные о том, какова доля малолетних потерпевших, которые стали жертвами со стороны родителей, восстановленных в родительских правах, отсутствуют. Не формируется и статистика рецидива среди лиц, условно-досрочно освобожденных от отбывания наказания в виде лишения свободы, в структуре общего рецидива. Поэтому оценить эффективность прогнозирования рисков в судебной деятельности в масштабе страны невозможно. Нельзя исключать такой ситуации (автор интуитивно уверен, что именно так и будет), когда детей, пострадавших от родителей, ранее не лишавшихся родительских прав, окажется непропорционально больше, чем тех, кто пострадал от лиц, восстановленных в правах. Поэтому действительно у судьи Г-вой присутствует элемент невезения, и наверняка существуют судьи, которые допускали аналогичные или даже более грубые нарушения, однако им просто повезло — неблагоприятных последствий не возникло.

⁶ «№ 2 Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению гражданских, административных дел по первой инстанции». Судебный департамент при Верховном Суде РФ. 2021. Дата обращения. 25 июня, 2023. <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=6120>.

⁷ Материалы к расширенному заседанию коллегии СК России «Об итогах работы следственных органов Следственного комитета Российской Федерации за 2021 год и задачах на 2022 год». 2022. М.: Следственный комитет России. С. 38.

2.3. Прогнозирование следственных рисков при применении мер процессуального принуждения

Следователь Следственного управления Следственного комитета (СУ СК) при прокуратуре РФ по г. Москве 20.12.2010 возбудил уголовное дело⁸ в отношении неустановленных должностных лиц правоохранительных органов Головинского района г. Москвы по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 293 («Халатность») УК РФ. Основанием для возбуждения данного уголовного дела послужила ненадлежащая организация первоначального этапа расследования убийства болельщика футбольного клуба «Спартак» Егора Свиридова, что стало поводом для массовых беспорядков в Москве и других городах России.

В ночь с 05 на 06.12.2010 на Кронштадтском бульваре г. Москвы произошла драка между двумя группами молодых людей. В драке участвовали, с одной стороны, уроженцы Северного Кавказа: Черкесов, Акаев, Арсибиев, Ибрагимов, Исмаилов и Утарбиев, а с другой — жители Москвы: Егор Свиридов и четверо его друзей П-ко, Г-ян, К-ов и Ф-в. Принимавший участие в драке Черкесов применил травматическое оружие — пистолет Streamer 2014, произведя из него выстрелы в Свиридова, Ф-ва и Г-яна. От полученных огнестрельных ранений Свиридов скончался на месте, а двое других потерпевших с телесными повреждениями оказались в лечебных учреждениях.

Прибывшие по сообщению службы «02» сотрудники милиции задержали Черкесова, Акаева, Арсибиева, Ибрагимова, Исмаилова и Утарбиева и доставили их в ОВД по Головинскому району г. Москвы.

Оперативный дежурный сообщил о происшествии руководителю следственного отдела по Головинскому району СУ СК при прокуратуре РФ по г. Москве, который направил на место происшествия следственную группу во главе со следователем названного отдела юристом 3-го класса С-ковым. Следователи произвели осмотр места происшествия, назначили судебно-медицинскую экспертизу трупа Свиридова, после чего следователь С-ков возбудил уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ.

Прибыв в ОВД по Головинскому району, следователи допросили очевидцев происшествия, в том числе лиц, принимавших участие в драке. У Черкесова, Акаева, Арсибиева, Ибрагимова, Исмаилова и Утарбиева следователи получили экспериментальные образцы — смывы с ладоней и кистей рук на предмет возможного обнаружения следов пороховых газов, а у Черкесова изъяли вышеуказанный пистолет.

В ту же ночь из лечебных учреждений, в которые доставили потерпевших, оперативному дежурному указанного ОВД поступили телефонограммы об обнаружении у Ф-ва проникающего огнестрельного ранения брюшной полости, у Г-яна — непроникающих ранений различных частей тела, у К-ва — ушиба грудной клетки. Сотрудники милиции передали эти телефонограммы следователю С-кову.

По подозрению в убийстве Егора Свиридова следователь С-ков в 17:00 06.12.2010 задержал Черкесова в порядке, предусмотренном ст. 91 и 92 УПК РФ; на следующий день суд избрал ему меру пресечения в виде заключения под стражу. Одновремен-

⁸ Уголовное дело № 354038. Архив Главного следственного управления Следственного комитета России по г. Москве.

но следователь С-ков, по согласованию с руководителем следственного отдела и его заместителем, принял решение не задерживать Акаева, Арсибиева, Ибрагимова, Исмаилова и Утарбиева, сообщив об этом оперативному дежурному, который фактически и освободил указанных лиц. В отношении информации о причинении вреда здоровью трем другим потерпевшим следователь С-ков вынес постановление о выделении по данным фактам, содержащим сведения о преступлении, предусмотренном п. «а» ч. 2 ст. 116 УК РФ, материалов из уголовного дела об убийстве Свиридова и направил их в органы внутренних дел.

Как следует из показаний юриста 3-го класса С-кова, уже к вечеру указанного дня 06.12.2010 у здания ОВД стала собираться толпа решительно настроенных людей и создалась угроза возникновения массовых беспорядков.

В дальнейшем, по сведениям из общедоступных источников, массовые акции протеста начались с 07.12.2010 в Москве, прошли в ряде других городов России и завершились столкновениями с милицией 10.12.2010 на Манежной площади г. Москвы (Афанасьев* 2018).

Следователь 03.05.2011 на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ прекратил уголовное дело, возбужденное по факту освобождения Акаева, Арсибиева, Ибрагимова, Исмаилова и Утарбиева, в связи с отсутствием в действиях должностных лиц правоохранительных органов, включая следователя следственного отдела по Головинскому району СУ СК при прокуратуре РФ по г. Москве С-кова, признаков состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 293 УК РФ. В постановлении указано, что у следователя С-кова на момент принятия решения о (не)задержании отсутствовали объективные данные, позволяющие обоснованно подозревать в соучастии в убийстве Свиридова остальных участников драки со стороны Черкесова, а равно дающие основания для квалификации их действий по ч. 2 ст. 213 УПК РФ. Ссылаясь на проведенный им анализ доказательств, следователь сделал вывод, что сотрудники органов внутренних дел и следственного отдела предприняли исчерпывающие меры, направленные на задержание виновных лиц, а также сбор и закрепление доказательств по уголовному делу.

Конкретных аргументов в обоснование своих столь однозначных выводов, кроме использования общих фраз, следователь не привел. Он не указал, каких конкретно доказательств не хватило для правильной квалификации деяния соучастников Черкесова, а также их задержания, не выяснил, почему эти доказательства не могли быть получены на первоначальном этапе расследования. Более того, следователь сделал однозначный вывод: «События, произошедшие в городе Москве непосредственно после убийства Свиридова, выразившиеся в массовых выступлениях общественности, не могут расцениваться в качестве результата деяний конкретных должностных лиц, так как в любом случае не находятся с ними в причинно-следственной связи и были обусловлены неподтвержденными и основанными на домыслах сведениями, активно распространявшимися в СМИ и формировавшими негативное общественное мнение относительно правомерности действий сотрудников правоохранительных органов»⁹. Это утверждение, как и предыдущие свои выводы, следователь не аргументировал, в то время как в материалах уголовного

* Признан в России иностранным агентом.

⁹ Постановление от 03.05.2011 о прекращении уголовного дела № 354038. *Архив ГСУ СК России по г. Москве.*

дела имеются сведения о заявлениях общественных организаций болельщиков, содержащих возмущения действиями органов следствия, которые сначала отпускают задержанных милицией частных убийства Свиридова, а затем поручают милиции найти их.

Вместе с тем установить прямую причинно-следственную связь между правовыми фактами и сложными социальными явлениями и процессами не так просто, как может показаться на первый взгляд. Что явилось триггером социальных протестов, переросших в массовые беспорядки: убийство болельщика «Спартака» представителями северокавказских народов, то, что соучастники преступления были освобождены и скрылись от следствия, либо же совокупность этих фактов? Мы намеренно используем термин «триггер», поскольку не ясно, являются ли эти факты причиной или всего лишь поводом социальных протестов, а причины лежат на более глубоком уровне общественных отношений. Кроме того, в механизме развития массовых беспорядков необходимо различать действия участников, мотивированных реакцией на данную ситуацию, и действия других лиц, которые могли использовать их для манипулирования общественным мнением в целях дестабилизации политической обстановки.

Приговором Московского городского суда, вынесенным 28.10.2011 на основании вердикта присяжных заседателей, Черкесов, Акаев, Арсибиев, Ибрагимов, Исмаилов и Утарбиев признаны виновными в том, что из хулиганских побуждений по предварительному сговору напали на Свиридова и его друзей, т.е. совершили преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 213 УК РФ, а Черкесов, кроме того, допустив эксцесс исполнителя, произвел два выстрела в голову Свиридова, причинив ему смерть¹⁰.

Вынесенным в тот же день Приговором Тверского районного суда г. Москвы пятеро граждан признаны виновными в призывах к массовым беспорядкам, а равно в применении насилия, опасного для жизни и здоровья представителей власти, на Манежной площади Москвы 11.12.2010, т.е. в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 212 и ч. 2 ст. 318 УК РФ¹¹.

Наличие обоих приговоров дает основания утверждать, что, во-первых, следователь освободил лиц, виновных в совершении тяжкого насильственного преступления, а во-вторых, последовавшие массовые беспорядки в Москве были связаны с убийством Егора Свиридова и недостаточной, по мнению протестующих, реакцией правоохранительных органов на это убийство, выразившейся в освобождении задержанных.

Таким образом, следователь С-ков столкнулся с двумя рисками одновременно. Первый риск заключался в том, чтобы задержать в порядке ст. 91, 92 УПК РФ всех шестерых фактически задержанных участников драки в отсутствие полной уверенности в причастности пятерых из них (кроме Черкесова) к участию в преступлении. Соответственно, если бы подозрения не подтвердились, все пятеро подлежали бы освобождению. В отношении следователя мог быть поставлен вопрос о необоснованном задержании, а в крайнем случае — и о незаконном задержании, что уже образовывало бы состав преступления, предусмотренный ч. 1 ст. 301 УК

¹⁰ «Уголовное дело № 2-0084/2011». *Официальный портал судов общей юрисдикции г. Москвы*. 2011. Дата обращения 25 июня, 2023. <https://mos-gorsud.ru>.

¹¹ «Уголовное дело № 1-274/2011». Там же.

РФ. Особый масштаб последствий был бы обусловлен большим количеством необоснованно задержанных — одновременно пятерых человек. Второй риск состоял в том, что если бы все шесть участников драки не были задержаны, а впоследствии нашлись бы достоверные данные о причастности каждого из них к преступлению, то кто-либо из них либо все сразу получали возможность скрыться от следствия и в дальнейшем избежать уголовной ответственности.

В обеих ситуациях следователь принимал решение в условиях, как он предполагал, сугубо правового (процессуального) риска. В сложившейся коллизии требовалось соотнести, во-первых, вероятность реализации каждого риска, а во-вторых, степень тяжести последствий в каждом из них. Трудно сказать, какой из этих элементов оценки риска следователь счел решающим. Скорее всего, таковым стал первый (вероятность), поскольку второй (величина последствий) определяется ценностью охраняемых законом благ. В данном случае (конституционное право пятерых лиц на свободу и личную неприкосновенность против интересов общества и потерпевших в неотвратимости ответственности для каждого виновного в преступлении) эти блага примерно равны.

Ситуация принятия решения, однако, осложнялась тем, что конфликт, по крайней мере внешне, носил межэтнический характер, а значит, следователь оказался в зоне не только правовых, но и социальных рисков. Второй риск, связанный с преждевременным решением об освобождении пятерых фактически задержанных, мог иметь своим последствием отрицательный общественный резонанс. Он усугублялся тем, что потерпевшим оказался член неформальной социальной группы футбольных болельщиков, которая отличается высокой степенью социальной и физической активности. К сожалению, именно этот риск и был реализован, что в конечном счете вылилось в акции протеста, переросшие в массовые беспорядки.

Если вдуматься, то условия принятия решения оказались даже более неоднозначными. Зная о последствиях, мы фокусируем свое внимание только на одном сценарии развития событий — том, который воплотился в реальности. Очевидно, что следователь допустил двойную ошибку в прогнозировании, не только неверно определив правовые, но и не распознав социальные риски принятого впоследствии решения. В то же время он не смог бы в полной мере хеджировать социальные риски и в случае принятия другого решения — о задержании всех участников драки со стороны Черкесова. Ведь если бы их причастность все-таки не нашла подтверждения, то одновременно с реализацией правового риска (возможная ответственность за необоснованное задержание) возникла бы угроза социального напряжения со стороны представителей северокавказских народов, которые могли бы обвинить следвателя в предвзятом к ним отношении.

Все вышеуказанные последствия, как правовые, так и социальные, в конечном счете зависят от первого фактора — степени вероятности их наступления, а та, в свою очередь, производна от степени уверенности, с которой следователь выносит суждение о причастности тех или иных лиц к совершению преступления. В этом примере мы столкнулись с ситуацией, принципиально отличающейся от предыдущей, когда судья, действуя самонадеянно, осознанно проигнорировала очевидные риски. Следователь С-ков, напротив, стремился избежать риска, который казался ему наиболее понятным и вероятным (реабилитации пятерых необоснованно задержанных граждан).

В Московской академии СК России провели психологическое тестирование следователей по диагностической шкале склонности к риску. Примерно половина испытуемых следователей (52,5 %) показала средний уровень подобной склонности. При таких показателях в деятельности человека преобладает взвешенный подход к принятию решений. Чрезмерно осторожны 27,5 % опрошенных: они будут стремиться избегать любых рискованных действий и решений. Лишь 20 % следователей, прошедших тестирование, оказались склонными к риску (Гранкина 2014). Если судья Кировского районного суда г. Новосибирска Г-ва, похожа на человека, склонного к риску, то в противоположность ей следователь С-ков скорее всего принадлежит к группе чрезмерно осторожных личностей. Он стремился минимизировать процессуальный риск необоснованного задержания и последующей реабилитации, в то время как не сумел распознать более крупный социальный риск, создаваемый его бездействием.

Единственно надежной стратегией по хеджированию рисков при соотносимых по своей величине последствиях от их реализации является снижение информационной неопределенности. В уголовном процессе она достигается посредством проведения следственных действий (проверочных мероприятий) и оценки достаточности доказательств. Такую оценку дает не только следователь, но и руководитель следственного органа в рамках упреждающего процессуального контроля (Махтук 2022), который как раз и предназначен служить дополнительным страховочным звеном в системе хеджирования следственных рисков. В то же время при прогнозировании социальных рисков не следует переоценивать возможности тех, кто не обладает навыками риск-менеджмента на профессиональном уровне, включая руководителей следственных органов. Авторы одного из последних исследований в области риска Б. Фишхофф и Дж. Кадвани признают: «Многие риски связаны с такими сложными технологическими и социальными процессами, что никто не понимает их полностью. Люди, вовлеченные в принятие решений о рисках, могут чувствовать ничуть не меньше смущения, чем их предки, пытавшиеся разобраться в спорах конкурирующих оракулов» (Фишхофф, Кадвани 2021, 214). Тем не менее даже сложность социальных процессов и низкая их доступность для прогнозирования не должны стать поводом для агностицизма. Существуют ли эффективные механизмы и технологии, которые с высокой степенью надежности могли бы предотвращать попадание следователя и судьи в подобные ситуации? Проблема состоит в том, что никто и никогда не создавал их специально для процессуальных акторов. В арсенале современной науки имеется то, на основе чего такие механизмы и технологии могут быть разработаны.

2.4. Методы прогнозирования судебных и следственных рисков

Для того чтобы делать более или менее точные прогнозы, не обладая достаточными и достоверными статистическими данными по каждой проблеме и не прибегая к использованию сложного математического аппарата теории вероятностей, следует использовать комбинированные качественно-количественные методы предсказания. Они восходят к идеям, которые в 1969 г. выдвинул американский инженер Ч. Старр, специализировавшийся на вопросах ядерной безопасности, в статье с символическим названием «Социальная выгода против технологического риска».

Он определил риск как число смертей от воздействия фактора риска за единицу времени, а выгоду от него — как экономический актив из расчета на одного человека. На основании этой схемы он установил, что общество приемлет тем больший риск, чем большую выгоду от него получает (Starr 1969). Несмотря на критику со стороны специалистов за упрощение проблемы (Фишхофф, Кадвани 2021, 48–52), основная идея Ч. Старра об оценке рисков через соотношение вероятности и последствий получила широкое признание, в том числе на уровне национальных стандартов¹². Такой подход успешно применяют в проект-менеджменте при учете и хеджировании рисков для реализации того или иного проекта (Ньютон 2014, 135–139).

Создадим матрицу управления рисками на основе комбинирования двух критериев: вероятности реализации риска и тяжести последствий, которые могут наступить в случае его реализации. Каждый из этих критериев следовательно или судья, основываясь на своем опыте и имеющейся информации, оценивает по трехбалльной шкале: 1 — вероятность (тяжесть) низкая (незначительная); 2 — вероятность (тяжесть) средняя; 3 — вероятность (тяжесть) высокая (значительная). Под высокой вероятностью понимаем то, что последствие скорее всего наступит; под низкой — скорее всего не наступит; а под средней — наступит с вероятностью примерно 50/50 (табл. 1).

Таблица 1. Матрица качественно-количественной оценки рисков

Вероятность \ Тяжесть последствий	Высокая (В)	Средняя (С)	Низкая (Н)
Значительная (3)	3	2	1
Средняя (С)	3	2	1
Незначительная (Н)	3	2	1

Просуммировав показатели по каждой из ячеек, мы получаем индексы риска, в соответствии с которыми выстраиваем степенную шкалу (рис.).

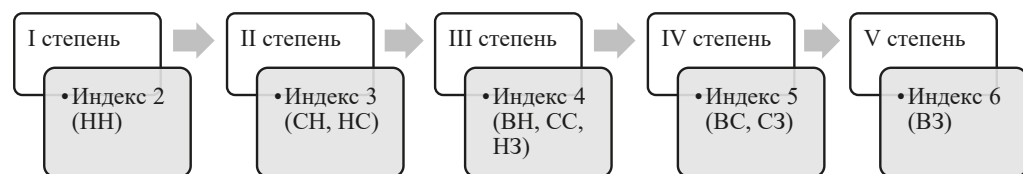

Рисунок. Шкала риска

Соответственно, риск наименьшей I степени имеет индекс 2 и соответствует нижней правой ячейке, соединяющей низкую вероятность реализации риска с незначительной тяжестью наступающих при его реализации последствий. В этом слу-

¹² ГОСТ Р 58771-2019. Национальный стандарт Российской Федерации. Менеджмент риска. Технологии оценки риска, утв. Приказом Росстандарта 17.12.2019 № 1405-ст.

чае хеджирования не требуется. Риск наибольшей V степени имеет индекс б и соответствует верхней левой ячейке, соединяющей высокую вероятность со значительной тяжестью последствий реализации риска. В такой ситуации необходимо применить максимально допустимые законом способы хеджирования, вплоть до принятия отрицательного решения (табл. 2).

Таблица 2. Примеры хеджирования судебных рисков

Название риска	Степень риска	Хеджирование
Судимый за совершение насильственного преступления наркоман <i>совершит преступление против своего ребенка</i> , в отношении которого он ранее был лишен родительских прав	V	Отказать в удовлетворении иска о восстановлении в родительских правах
Ранее не судимый и не имеющий постоянного дохода молодой мужчина, совершивший грабеж в другом регионе, по освобождении из исправительного учреждения <i>вновь совершит корыстное преступление</i>	III (СС)	Назначить дополнительное наказание в виде ограничения свободы
Впервые судимая за совершение преступления небольшой тяжести женщина, имеющая постоянный источник дохода, <i>не исполнит наказание</i> в виде штрафа в размере 10 тыс. руб.	I	Проигнорировать
Оставление на свободе соучастников нападения, совершенного на межэтнической почве, спровоцирует <i>акции социального протеста</i>	IV (СЗ)	Избрать меру пресечения, связанную с лишением или ограничением свободы, а при отсутствии предусмотренных законом оснований провести массированную работу по разъяснению в СМИ своей позиции

Качественно-количественные методы оценки рисков и основанные на них способы хеджирования не требуют сложных расчетов и доступны для применения каждым следователем или судьей.

В качестве альтернативы судебскому усмотрению предлагается использовать, а в некоторых странах (США, КНР) уже используются технологии искусственного интеллекта. Проведя собственное исследование, автор пришел к выводу, что возможности искусственного интеллекта в прогнозировании судебных рисков практически не превышают возможностей человека, не являющегося специалистом (дилетанта), и есть основания полагать, что в обозримой перспективе принципиально улучшить их не представится возможным (Цветков 2021).

3. Выводы

Прогноз, оценка и хеджирование рисков должны стать неотъемлемым элементом технологической культуры в профессиональной деятельности следователей и судей, а равно одним из приоритетных направлений научных исследований в соответствующих ведомственных образовательных и научных организациях. Механизм принятия судьей или следователем процессуального решения должен

обязательно (на нормативном уровне) предусматривать стадию анализа рисков, связанных с его принятием.

Если решения того или иного судьи никогда не приводили к тяжким последствиям, это еще не значит, что он никогда не допускал ошибок в прогнозировании. Некоторые такие последствия относятся к категории «черных лебедей» — крайне редких и опасных событий, которые практически не поддаются прогнозированию. Поэтому отсутствие или наступление таких последствий может во многих случаях расцениваться в категориях везения и невезения.

Наиболее предпочтительным и доступным для использования судьями и следователями представляется предложенный автором качественно-количественный метод оценки и хеджирования судебных рисков, основанный на соотношении степени вероятности и тяжести последствий реализации риска.

Следует разработать и внедрить в учебный план стажировки и повышения квалификации следователей и судей программу обучения профессиональному управлению рисками (риск-менеджменту).

Необходимо четко установить и нормативно закрепить критерии ответственности судьи и следователя за ошибки в прогнозировании, когда они проигнорировали целую совокупность явных предикторов неблагоприятных последствий, с тем чтобы не ограничивать свободу судебного и следственного усмотрения, но при этом не попустительствовать преступной самонадеянностью.

Библиография

- Афанасьев, Андрей*. 2018. «Русский бунт на Манежной площади: как это было». *Царьград* 11.12.2018. Дата обращения 25 июня, 2023. https://tsargrad.tv/articles/russkij-bunt-na-manezhnoj-ploshhadi-kak-jeto-bylo_173327?utm_referrer=https%3a%2f%2fwww.yandex.ru%2f.
- Бабаев, Михаил М. 2021. «Риск-ориентированное правосудие». *Всероссийский криминологический журнал* 2: 167–180.
- Головко, Леонид В., Бертран Матье, ред. 2018. *Суд и государство*. М.: Статут.
- Гранкина, Анна Б. 2014. «Склонность к риску как субъективный фактор принятия рискованных решений в следственных органах». *Расследование преступлений: проблемы и пути их решения* 4: 264–266.
- Загрядская, Екатерина А. 2014. «Риск как составляющая процессуальной деятельности следователя». *Расследование преступлений: проблемы и пути их решения* 6: 336–340.
- Круи, Мишель, Дан Галай, Роберт Марк. 2014. *Основы риск-менеджмента*. Пер. с англ. М.: Юрайт.
- Махтук, Святослав О. 2022. «Является ли руководитель следственного органа субъектом уголовно-процессуального доказывания?» *Расследование преступлений: проблемы и пути их решения* 2: 161–167.
- Млодинов, Леонард. 2011. *(Не)совершенная случайность. Как случай управляет нашей жизнью*. М.: Liverbook.
- Нарышкин, Сергей Е. 2020. «Победитель с псевдонимом Виктор». *Российская газета* 8184. Дата обращения 25 июня, 2023. <https://rg.profkiosk.ru/822163>.
- Ньютон, Роберт. 2014. *Управление проектами от А до Я*. Пер. с англ. 6-е изд. М.: Альпина Пабlishер.
- Пятницкая, Ирина Н. 2008. *Общая и частная наркология. Руководство для врачей*. М.: Медицина.
- Савельева, Марина В. 2021. «Проблемы принятия тактического решения в условиях тактического риска в криминалистике». *Криминалистика: вчера, сегодня, завтра* 2 (18): 95–102.

* Признан в России иностранным агентом.

- Сидорова, Анна В. 2020. «Судебный риск в системе правовых рисков: общетеоретический аспект». *Российская юстиция* 10: 34–37.
- Сильвер, Нейт. 2015. *Сигнал и шум: Почему одни прогнозы сбываются, а другие — нет*. Пер. с англ. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус.
- Талеб, Нассим Н. 2015. *Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости*. 2-е изд., доп. пер. с англ. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус.
- Тихомиров, Юрий А. 2014. «Прогнозы и риски в правовой сфере». *Журнал Российского права* 3: 5–16.
- Тихомиров, Юрий А. 2015. *Право: прогнозы и риски*. М.: Инфра-М.
- Фишхофф, Барух, Джон Кадвани. 2021. *Риск: очень кратко введение*. Пер. с англ. М.: Дело.
- Цветков, Юрий А. 2021. «Искусственный интеллект в правосудии». *Закон* 4: 91–107.
- Черных, Павел Я. 2002. *Историко-этимологический словарь современного русского языка*. В 2 т., т. 2. 5-е изд., стереотип. М.: Русский язык.
- Чурикова, Анна Ю. 2022. «Риск-ориентированный подход в уголовно-процессуальной деятельности прокурора». *Законность* 8: 48–50.
- Douglas, Mary. 1966. *Purity and danger: An analysis of the concepts of pollution and taboo*. New York: Penguin.
- Starr, Chauncey. 1969. “Social benefit versus technological risk. What is our society willing to pay for safety?” *Science* 165: 1232–1238.

Статья поступила в редакцию 3 февраля 2021 г.;
рекомендована к печати 2 мая 2023 г.

Контактная информация:

Цветков Юрий Анатольевич — канд. юрид. наук, доц.; Yutsvet@yandex.ru

Forecast and hedging of risks in decision-making by an investigator and a judge

Yu. A. Tsvetkov

Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation,
12, ul. Vrubelia, Moscow, 125080, Russian Federation

For citation: Tsvetkov, Yury A. 2023. “Forecast and hedging of risks in decision-making by an investigator and a judge”. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law* 3: 649–667.
<https://doi.org/10.21638/spbu14.2023.306> (In Russian)

The study is aimed at determining the role and significance of forecasting in the professional activities of an investigator and a judge. Methodologically, the study is based on probability theory, signal theory, project management and risk management. The empirical basis of the study is criminal cases initiated against judges as well as against investigators and other law enforcement officials due to negligence. The data of judicial and criminal statistics are used. The author analyzes the empirical material and solves the problem of forecasting by applying the approach is due to the classification of investigative and judicial risks proposed by the author himself according to the nature and content of the consequences of their implementation on legal (formal and material) and social risks. A qualitative-quantitative methodology for assessing forensic and investigative risks developed by the author is proposed. The concept of hedging is introduced into scientific legal circulation as a system of ways to prevent or minimize the negative consequences of their occurrence. The main conclusion is made about the need for judges to master the scientific methods of forecasting and managing risks, as well as to establish clear criteria for liability for grave consequences as a result of gross judicial errors in forecasting.

Keywords: judge, investigator, justice, procedural decision, judgement mistake, unjust judicial act, forecasting, management of risks.

References

- Afanasev, Andrei*. 2018. "Russian revolt on Manezh Square: How it was". *Tsar'grad* 11.12.2018. Accessed June 25, 2023. https://tsargrad.tv/articles/russkij-bunt-na-manezhnoj-ploshhadi-kak-jeto-bylo_173327?utm_referrer=https%3a%2f%2fwww.yandex.ru%2f. (In Russian)
- Babaev, Mikhail M. 2021. "Risk Based Justice". *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal* 2: 167–180. (In Russian)
- Chernykh, Pavel Ia. 2002. *Historical and etymological dictionary of the modern Russian language*. In 2 vols, vol. 2. 5th ed. Moscow, Russkii iazyk Publ. (In Russian)
- Churikova, Anna Iu. 2022. "Risk-oriented approach in the criminal procedure activity of the prosecutor". *Zakonnost'* 8: 48–50. (In Russian)
- Crouhy, Michel, Dan Galai, Robert Mark. 2014. *The Essentials of Risk Management*. Rus. ed. Moscow, Iurait Publ. (In Russian)
- Douglas, Mary. 1966. *Purity and Danger: An Analysis of the Concepts of Pollution and Taboo*. New York, Penguin.
- Fischhoff, Baruch, John Kadwani. 2021. *Risk: A Very Short Introduction*. Rus. ed. Moscow, Delo Publ. (In Russian)
- Golovko, Leonid V., Bertran Mathieu, eds. 2018. *Court and state*. Moscow, Statut Publ. (In Russian)
- Grankina, Anna B. 2014. "Propensity to take risks as a subjective factor in making risky decisions in investigative bodies". *Rassledovanie prestuplenii: problemy i puti ikh resheniia* 4: 264–266. (In Russian)
- Makhtiuik, Sviatoslav O. 2022. "Is the head of the investigative body the subject of criminal procedural proving?" *Rassledovanie prestuplenii: problemy i puti ikh resheniia* 2: 161–167. (In Russian)
- Mlodinov, Leonard. 2011. *(Im)perfect accident. How to manage our life*. Moscow, Liverbook Publ. (In Russian)
- Naryshkin, Sergei E. 2020. "The winner with the pseudonym Victor". *Rossiiskaia gazeta* 81–84. Accessed January 10, 2023. <https://rg.profkiosk.ru/822163>. (In Russian)
- Newton, Robert. 2014. *Project management from A to Z*. Rus. ed. 6th ed. Moscow, Al'pina Publisher Publ. (In Russian)
- Piatnitskaia, Irina N. 2008. *General and special narcology. A tutorial for doctors*. Moscow, Meditsina Publ. (In Russian)
- Savel'eva, Marina V. 2021. "Problems of making a tactical decision in terms of tactical risk in forensics". *Kriminalistika: vchera, segodnia, zavtra* 2 (18): 95–102. (In Russian)
- Sidorova, Anna V. 2020. "Litigation risk in the system of legal risks: General theoretical aspect". *Rossiiskaia iustitsiia* 10: 34–37. (In Russian)
- Silver, Nate. 2015. *The Signal and the Noise. Why so many predictions fail — but some don't*. Rus. ed. Moscow, KoLibri Publ., Azbuka-Attikus Publ. (In Russian)
- Starr, Chauncey. 1969. "Social Benefit versus Technological Risk. What is our society willing to pay for safety?" *Science* 165: 1232–1238.
- Taleb, Nassim N. 2015. *The Black Swan. The Impact of the Highly Improbable*. 2nd ed., extended. Rus. ed. Moscow, KoLibri Publ., Azbuka-Attikus Publ. (In Russian)
- Tikhomirov, Iurii A. 2014. "Forecasts and risks in the legal sphere". *Zhurnal rossiiskogo prava* 3: 5–16. (In Russian)
- Tikhomirov, Iurii A. 2015. *Law: forecasts and risks*. Moscow, Infra-M Publ. (In Russian)
- Tsvetkov, Yury A. 2021. "Artificial intelligence in justice". *Zakon* 4: 91–107. (In Russian)
- Zagriadskaja, Ekaterina A. 2014. "Risk as a component of the investigator's procedural activities". *Rassledovanie prestuplenii: problemy i puti ikh resheniia* 6: 336–340. (In Russian)

Received: February 3, 2021

Accepted: May 2, 2023

Author's information:

Yury A. Tsvetkov — PhD in Law, Associate Professor; Yutsvet@yandex.ru

* Is recognized in Russian Federation as a foreign agent.